

С.А. Афонцев
ИМЭМО РАН, Москва

Политические парадоксы экономических санкций¹

Аннотация. В статье рассматриваются политико-экономические аспекты использования инструментария экономических санкций в мировой политике. Поскольку действия стран–инициаторов и стран–адресатов санкций определяются сложным взаимодействием функционирующих в них политических и экономических субъектов, продуктивный анализ санкционных вопросов должен опираться на моделирование поведения всех субъектов с учетом их целевых функций и институциональной среды, в которой они функционируют. Показано, что политико-экономический подход позволяет успешно разрешить ряд парадоксов, долгое время ставивших в тупик исследователей санкционной проблематики. К ним относятся парадоксы неэффективности санкций, обратной реакции на санкции со стороны стран–адресатов, наращивания неэффективного давления и парадокс ответных мер. Проведенный анализ позволяет заключить, что усиление экономических санкций против Российской Федерации не может повлиять на характер ее внешнеполитических решений в интересах стран–инициаторов санкций. Напротив, рост санкционных издержек для российской экономики способствует усилению политической поддержки выбранного руководством страны курса. Вопросы мирного урегулирования политических конфликтов должны решаться политическими (прежде всего переговорными), а не экономическими инструментами.

Ключевые слова: экономические санкции, политико-экономический подход, Россия, экономические интересы, политические интересы, мировая политика.

Классификация JEL: F51, P16, P26.

Для цитирования: Афонцев С.А. (2022). Политические парадоксы экономических санкций // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (55). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10

Специфика политико-экономического анализа экономических санкций

Стремительное нарастание масштабов и интенсивности экономических санкций против Российской Федерации с конца февраля 2022 г. привело к формированию принципиально новых вызовов не только для российской и мировой экономики, но и для исследователей санкционной политики. Никогда прежде санкции против одной страны не демонстрировали столь резкой эскалации в течение считанных месяцев. Никогда прежде последствия принимаемых санкционных решений столь глубоко не воздействовали на функционирование глобальной хозяйственной системы. И никогда прежде столь остро не стоял вопрос о связи между декларируемыми мотивами применения экономических санкций и их фактическим влиянием на экономические и политические процессы как в стране–адресате, так и в странах–инициаторах санкций, а равно и в третьих странах, оказавшихся невольными реципиентами экстернатальных эффектов санкционного противостояния.

Традиционно экономические санкции рассматриваются как один из стандартных инструментов мировой политики, предусматривающий применение странами–инициаторами санкций негативных экономических стимулов для достижения желаемых изменений в политике страны–адресата (Hufbauer,

Schott, Elliott, 2009; Forrer, 2017). Однако такая постановка вопроса неизбежно нуждается в важных уточнениях. Страны–инициаторы и страны–адресаты населены многочисленными группами субъектов принятия политических решений и экономических субъектов, руководствующихся в своих санкционных решениях и в реагировании на них собственными интересами, порой прямо противоположными. Ситуация еще более усложняется, когда в дело вступают международные организации и региональные интеграционные структуры – в таких случаях необходимо принимать во внимание как существующие в них механизмы межгосударственного согласования интересов, так и интересы международной бюрократии, часто обладающей значительной автономией в реализации собственных целевых установок. Как следствие, продуктивный анализ санкционного взаимодействия с неизбежностью должен иметь политико-экономический характер, опираясь на изучение и моделирование поведения всех вовлеченных субъектов с учетом их целевых функций и институциональной среды, в которой они находятся. При этом моделирование собственно международного санкционного взаимодействия должно происходить параллельно с моделированием взаимодействия между субъектами принятия политических решений, вводящих санкции (или реагирующих на них), и субъектами политического процесса на национальном уровне (включая рядовых граждан, бизнес-субъектов

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

и бизнес-ассоциации, организации гражданского общества) с учетом готовности последних нести издержки санкционного противостояния.

В отличие от более привычных для экономистов сфер политико-экономического анализа (связанных, в частности, с изучением механизмов формирования экономической политики на национальном уровне или международных переговоров по экономическим вопросам) исследования санкционной проблематики имеют четко выраженную специфику (Eyler, 2007; Kaempfer, Lowenberg, 2007; Halcoussis, Kaempfer, Lowenberg, 2021). Во-первых, во внимание принимаются два типа благ — экономические и политические (под последними чаще всего понимается благо «безопасность», но речь может идти также о других благах, получение которых субъекты принятия решений могут считать желательным, — например повышение статуса своей страны, вовлечение других стран в дружественные альянсы и пр.). Во-вторых, в отличие от стандартной схемы обмена одних благ на другие (когда одна сторона готова передать другой стороне больше блага A для получения дополнительного количества блага B) в случае применения экономических санкций имеет место нанесение ущерба оппоненту с целью изменить его поведение (иными словами, одна сторона ограничивает другой возможность доступа к экономическим благам A_1, \dots, A_N с целью сократить ее стремление приобретать политическое благо B). Наконец, в-третьих, возникает проблема учета интересов третьих сторон, для которых политика участвующих в санкционном противостоянии государств может служить источником непредвиденных издержек (например, если введенные санкции имеют экстерриториальный характер и распространяются на взаимодействие компаний любой юрисдикции со страной-адресатом санкций).

Несмотря на очевидные сложности, связанные с развитием формального инструментария политико-экономического анализа санкционных вопросов с учетом перечисленных обстоятельств, преодоление этих сложностей несомненно себя оправдывает. Помимо важной информации, касающейся конкретных аспектов проведения санкционной политики в конкретных случаях (в частности, понимания реакции стран-адресатов на различные санкционные инструменты или характера выбранных ими ответных мер), такой анализ позволяет пролить свет на принципиальные парадоксы, долгое время ставившие в тупик экспертов в области санкционной политики. Проблемы, лежащие в основе этих парадоксов, с новой остротой проявились в ходе нынешнего санкционного противостояния, в которое вовлечена Российская Федерация, а потому заслуживают самого пристального внимания как в теоретическом, так и в прикладном плане.

2. Санкционные парадоксы

Несмотря на то что современная история экономических санкций исчисляется десятилетиями, каждый новый эпизод их применения заставляет вспомнить, как дорого в мировой политике приходится платить за невыученные в прошлом уроки. Решения, принимаемые в контексте санкционного противостояния, часто ведут к последствиям, весьма далеким от первоначально предполагавшихся — и в большинстве случаев лишь усугубляют противоречия, ставшие поводом для начала санкционного противостояния, и возлагают его издержки на субъектов, не имеющих к этим противоречиям никакого отношения. Чтобы понять, почему так происходит, необходимо обратиться к рассмотрению ключевых парадоксов санкционной политики.

Главным из них является *парадокс неэффективности санкций*. Анализ опыта санкционной политики показывает, что лишь в крайне ограниченном числе случаев они оказались в состоянии изменить политику страны-адресата в нужном для стран-инициаторов направлении. Из санкционной практики последних десятилетий однозначно успешными можно признать разве что санкции против Либерии, а это — слишком скромный результат, чтобы признать экономические санкции эффективным инструментом мировой политики. Важный шаг к разрешению данного парадокса был сделан в 1990-е годы, когда была показана важность учета мотивации субъектов принятия политических решений в стране-реципиенте санкций, с одной стороны, и возможностей влияния на них со стороны страдающих от санкций групп населения — с другой. Главный тезис заключался в том, что по отношению к странам, где субъекты принятия политических решений обладают высокой степенью автономии, *традиционная модель санкций*, опирающаяся на холистический принцип «ущерб — результат» («rain — gain»), не может быть эффективной. В соответствии с данным принципом, нанесение экономического ущерба («rain») стране в целом должно приводить к изменению политики данной страны в интересах стран-инициаторов санкций («gain»). Однако в тех случаях, когда целевая функция субъектов принятия политических решений существенно отличается от целевых функций основной части граждан и граждане не имеют эффективных каналов воздействия на субъектов принятия политических решений (например, в странах с авторитарными политическими режимами), данный принцип дает сбой. Несмотря на значительные экономические издержки для страны в целом, ее политический курс остается прежним: «ущерб» есть, а «результата» — нет (Pape, 1997; Elliott, 1998; Askari et al., 2003; Allen et al., 2020). С учетом этого была разработана доктрина *таргетированных, или «умных»*

(*smart*), *санкций*, задача которых состоит в нанесении ущерба не экономике страны-адресата в целом, а интересам ее политических и экономических элит, чтобы сформировать для них стимулы отказаться от ранее избранного политического курса. К числу мер, направленных на причинение такого ущерба, относятся ограничения, вводимые для конкретных лиц (запрет на поездки и совершение финансовых операций, замораживание активов и т.п.), и барьеры для реализации их внешнеполитических предпочтений (свертывание военно-технического сотрудничества, прекращение поставок оборудования и технологий двойного применения, отказ от реализации совместных проектов НИОКР в соответствующих сферах). При этом в отношении неэлитных групп населения предусматривалось введение широких исключений (гуманитарных изъятий) из санкционного режима, обеспечивающих доступ данных групп к внешним источникам продовольствия, медикаментов, товаров бытового назначения и т.п.

В середине 1990-х годов в академической и экспертной среде сформировалось убеждение, что переход к модели умных санкций может радикально повысить эффективность санкционного воздействия. Однако реальность оказалась намного сложнее. Первый удар по данной модели нанес провал программы «Нефть в обмен на продовольствие», реализованной в отношении Ирака в 1995–2003 гг. Фактически в данном случае изъятия из санкционного режима в интересах обслуживания потребностей населения: а) позволили политическим элитам получать дополнительные экспортные доходы; б) никак не повлияли на политический курс страны; в) не привели к заметному улучшению положения основной части населения, лишенной возможности воздействовать на принятие политических решений. Умные санкции оказались не такими уж и умными (Drezner, 2003, 2011). В настоящее время большинство исследователей придерживается мнения, что вопрос о влиянии санкций на изменение политического курса стран-адресатов должен решаться не на уровне общих принципов, а на основе изучения *конкретных особенностей системы принятия политических решений* в конкретных странах. Увы, реальная санкционная практика редко следует этому рецепту.

С главным парадоксом тесно связаны *парадоксы обратной реакции и наращивания неэффективного давления*. В первом случае применение санкций, целью которых является отказ страны-адресата от проведения определенного политического курса, в реальности ведет к его усилению; во втором – осознание неэффективности санкций субъектами принятия политических решений страны-инициатора ведет не к отказу от санкций, а к повышению их интенсивности («Пушка не стреляет мокрым порохом? Значит,

нужно еще больше мокрого пороха!»). Оба эти парадокса часто проявляются одновременно – с самыми печальными последствиями в плане усиления политических противоречий и санкционного противостояния. Первый из описанных эффектов хорошо объясняется фактом асимметрии информации, а также динамикой сравнительных оценок экономических и политических благ: усиление санкционного давления может увеличивать для субъектов страны-адресата санкций сравнительную ценность блага «безопасность», что ведет к росту поддержки именно того политического курса, который страны-инициаторы санкций хотели бы изменить. Таким образом, усиление санкционного давления интерпретируется как признак нарастания угроз безопасности, что, в свою очередь, ведет к повышению готовности терпеть большие экономические лишения во имя нейтрализации этих угроз. Существенно, что эта же логика применима в случае введения страной-адресатом санкций ответных мер против стран-инициаторов санкций: если в них доминируют высокие оценки значимости блага «безопасность» (как, например, в Польше и странах Прибалтики применительно к политике Российской Федерации), то их реакция на ответные меры может состоять в усилении, а не в смягчении санкций.

Что же касается парадокса наращивания неэффективного давления, то решающую роль в его объяснении играет множественность мотивов принятия санкционных мер. В отличие от традиционного мирополитического подхода, политико-экономический анализ поведения стран, вводящих санкции, принимает во внимание не только мотив влияния на политический курс страны-адресата санкций, но и широкий круг иных мотивов (Doxey, 1996; Oezdamar, Shanin, 2021) – от тривиальной мести до «сигнальных» (выражение готовности к эскалации санкций в случае продолжения «нежелательного» поведения страны-адресата) и «символических» мотивов («Нам важно показать, что такое поведение мы считаем неприемлемым!»), а также «мотивов солидарности» («Нам самим это не нужно, но нам важно показать, что мы следуем за лидером / референтной группой!»). Анализ соответствующих мотивов – как и в случае парадокса неэффективности санкций – *увы*, остается пока редким явлением.

Наконец, нельзя не сказать о *парадоксе ответных мер*: несмотря на очевидную для субъектов принятия внешнеполитических решений логику симметричного ответа («tit-for-tat»), страны крайне редко прибегают к ответным мерам в качестве реакции на введенные против них санкции. Причина заключается в соотношении экономических издержек и выгод такой стратегии. Классическим примером являются ответные меры на ограничения экспорта

из страны–инициатора санкций в страну–адресат. В случае если страна–адресат отвечает ограничением экспорта в страну–инициатора, она сокращает собственные валютные доходы; если же она ограничивает закупки импортной продукции – то создает дополнительные препятствия для импортных операций вдобавок к тем, которые уже созданы страной–инициатором. За исключением случаев, когда сокращение поставок из страны–адресата санкций (или закупок ею продукции на внешних рынках) может повлиять на цены соответствующих товаров в выгодном для нее направлении, ответные меры могут лишь увеличить для страны–адресата экономические издержки санкционного противостояния. При этом влияние соответствующих мер на политику стран–инициаторов оказывается тем меньшим, чем больше экономический потенциал последних и чем выше в них ценность блага «безопасность».

В период до 2014 г. размеры рынка стран–инициаторов и стран–реципиентов санкций были, как правило, несопоставимыми, а зависимость последних от поставок ключевых экспортных товаров (от алмазов в случае ЮАР до нефти в случае Ирака) была слишком велика, чтобы добровольно отказываться от сохраняющихся возможностей их экспорта. Показательно, что и введенные Российской Федерацией после начала санкционного противостояния в 2014 г. ответные меры в дальнейшем не получили масштабного продолжения – в полном соответствии как с теоретическими прогнозами, так и с национальными интересами страны. На первый план вышла не проблема ответных мер, а проблема экстерриториального применения экономических санкций (прежде всего, американских) и их экстернальных эффектов, связанных с ограничением доступа третьих стран (особенно развивающихся) к энергетическим и сельскохозяйственным (удобрения, продовольствие) ресурсам, поступающим из подсанкционных стран – в первую очередь Российской Федерации и Республики Беларусь.

3. Санкционные парадоксы и российская реальность

Процессы принятия политических решений в реальном мире, к великому сожалению профессиональных экономистов, крайне редко принимают во внимание достижения экономической науки. Еще большее сожаление вызывают ситуации, когда прежде авторитетные экономические аналитики, руководствуясь собственными политическими предпочтениями и персональными эмоциями, игнорируют политико–экономические аргументы в отношении санкционной политики и предлагают рекомендации, изначально лишённые научной логики и способные

лишь усугубить имеющиеся проблемы (характерным примером является деятельность так называемой «Рабочей группы по санкциям против России» при Стэнфордском университете).

Какие же выводы можно сформулировать на основании политико–экономического анализа санкционного давления на Российскую Федерацию? На сегодняшний день эти выводы выглядят следующим образом.

1. Внешнеполитические приоритеты субъектов принятия политических решений в Российской Федерации полностью превалируют над экономическими, и готовность пожертвовать вторыми во имя первых не подлежит сомнению.

2. Надежды на то, что негативное экономическое воздействие на так называемых олигархов может повлиять на политический курс Российской Федерации, основаны на анахронических представлениях, восходящих к 1990–м годам и не имеющих отношения к нынешней реальности). Термин «олигархи» по определению предполагает влияние на принятие политических решений, которого современные представители российского крупного бизнеса лишены. Ситуация, в которой к подсанкционным «олигархам» причислены, в частности, почти все члены российской части совета «Круглого стола промышленников России и ЕС», внесшие неоценимый вклад в развитие двустороннего экономического сотрудничества, представляет собой нонсенс, не имеющий логического объяснения.

3. Субъектам в недружественных для Российской Федерации странах, которые принимают решения о санкциях и которые полагают возможным повлиять на политику России через экспортные/бюджетные доходы страны, следует привлечь в качестве консультантов квалифицированных экспертов в области бюджетной политики Российской Федерации, которые объяснят им отсутствие связи между общими доходами бюджета Российской Федерации, с одной стороны, и расходами на приоритеты обороны и безопасности – с другой.

4. Аргументы о том, что «в краткосрочном периоде санкции против Российской Федерации неэффективны, но в долгосрочном периоде дадут результат», основаны на некорректной интерпретации фактов. С точки зрения экономической науки 8–летний период (2014–2022 гг.) однозначно является долгосрочным, но при этом приходится констатировать, что введенные в течение этого периода санкции никак не повлияли на приоритеты российских политических элит. Как следствие, заверения представителей стран–инициаторов санкций о долгосрочном влиянии экономических санкций на политический курс России де-факто лишены основания.

5. Произшедший в отношении Российской Федерации в 2022 г. переход от модели умных санкций к традиционной модели, основанной на принципе «rain – gain» и ориентированной на ущерб не элитным группам, а экономической системе страны в целом, лишь усилил национальную поддержку проводимого внешнеполитического курса благодаря повышению относительной ценности блага «безопасность» по сравнению с экономическими благами, связанными с перспективами поступательного хозяйственного развития страны. При этом можно считать несостоятельными и надежды на то, что какие-либо гуманитарные изъятия из режима санкций могут спровоцировать раскол в политической системе Российской Федерации за счет противопоставления интересов элит и основной части населения – ведь «тотальная экономическая война против Российской Федерации» по определению означает, что ни одна группа населения не избежит ее негативных последствий.

6. В том случае, если введенные против Российской Федерации экономические санкции приведут к значимому росту безработицы, очевидным результатом станет рост предложения рабочей силы в секторе услуг контрактной армии – с предсказуемыми последствиями для конфликта на юго-западных рубежах страны. Действительно ли это именно тот эффект, которого ожидали инициаторы санкций?

7. Особого внимания заслуживает влияние текущего санкционного противостояния на интересы третьих стран. Как правило, экономические конфликты между отдельными странами создают дополнительные возможности для выигрыша третьих стран. Так было, в частности, в случае торгового конфликта между США и КНР (Nicita, 2019; Fajgelbaum et al., 2021). В случае нынешнего санкционного противостояния страны-инициаторы санкций (особенно США) в логике «предложения, от которого нельзя отказаться» пытаются заставить третьи страны смириться с негативными последствиями санкций в виде роста цен на критически важные товары без возможности компенсации соответствующих издержек за счет наращивания поставок энергоносителей, продовольствия и удобрений из Российской Федерации и Республики Беларусь (Hufbauer, Jung, 2021). Очевидно, что в случае распространения на Российскую Федерацию как одного из ведущих субъектов мировой экономики пресловутой «культуры отмены» (с необходимыми оговорками относительно того, может ли слово «культура» применяться к поведению, присущему скорее подростковой среде, а не мировой политике) не приходится удивляться катастрофическим последствиям для рынков, на которых Россия является значимым игроком. Насколько приемлема такая стратегия?

Решать предстоит третьим странам, чьи интересы такая «отмена» непосредственно затрагивает...

При всей сложности накопившихся межгосударственных противоречий взгляд профессионального экономиста на них однозначный. Экономические санкции не имеют шансов повлиять на решение проблем, которые на сегодняшний день являются приоритетными как в политическом, так и в гуманитарном отношении. Забивать гвозди телескопом и строгать морские волны рубанком для прекращения шторма – не лучшее инструментальное решение имеющихся проблем. Вопросы мирного урегулирования политических конфликтов должны решаться политическими (прежде всего переговорными), а не экономическими инструментами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Allen S.H., Gilizoglu M., Lertzian D., Su Y.-H. (2020). The consequences of economic sanctions. *International Studies Perspectives*, 21, 4, 438–477.
- Askari H.G., Forrer J., Teegen H., Yang J. (2003). *Economic sanctions: Examining their philosophy and efficacy*. Westport: Praeger.
- Doxey M.F. (1996). *International sanctions in contemporary perspective*. 2nd ed. N.Y.: St. Martin's Press.
- Drezner D.W. (2003). How smart are smart sanctions? *International Studies Review*, 5, 107–110.
- Drezner D.W. (2011). Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice. *International Studies Review*, 13, 1, 96–118.
- Elliott K.A. (1998). The sanctions glass: Half full or completely empty? *International Security*, 23, 1, 50–65.
- Eyler R. (2007). *Economic sanctions. International policy and political economy*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Fajgelbaum P., Goldner P., Kennedy P., Khandelwal A., Taglioni D. (2021). The US-China trade war and global reallocations. *NBER Working Paper 29562*.
- Forrer J. (2017). *Economic sanctions: Sharpening a vital foreign policy tool*. Atlantic Council Global Business & Economic Program, Issue Brief, June.
- Halcoussis D., Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. (2021). The public choice approach to international sanctions: Retrospect and prospect. *Research Handbook on Economic Sanctions*. Ed. by P.A.G. van Bergeijk. Cheltenham: Edward Elgar, 152–166.
- Hufbauer G.C., Jung E. (2021). Economic sanctions in the twenty-first century. *Research Handbook on Economic Sanctions*. Ed. by P.A.G. van Bergeijk. Cheltenham: Edward Elgar, 26–43.
- Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A. (2009). *Economic sanctions reconsidered: History and current policy*. 3^d ed. Washington: Peterson Institute for International Economics.
- Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. (2007). The political economy of economic sanctions. *Handbook of*

Defense Economic. T.Sandler, K. Hartley (eds.)
N.Y.: Elsevier, 868–911.

Nicita A. (2019). Trade and trade diversion effects of United States tariffs on China. UNCTAD Research Paper, no. 37.

Oezdamar O., Shanin E. (2021). Consequences of economic sanctions: The state of art and

paths forward. *International Studies Review*, 23, 1646–1671.

Pape R.A. (1997). Why economic sanctions do not work. *International Security*, 22, 2, 100–103.

Поступила в редакцию 13.07.2022

Received 13.07.2022

S.A. Afontsev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Political paradoxes of economic sanctions²

Abstract. The article addresses political economy aspects of the policy of economic sanctions. Given the fact that decisions taken both in sender and target countries depend on the interaction of numerous groups of political and economic agents, sanction research can be productive only if their behavior is explicitly modelled given their objective functions and institutional context they face. It is shown that political economy approach can help resolve a number of paradoxes common in sanction research, i.e., paradoxes related to inefficiency of sanctions, pro-conflict reaction on sanctions by target countries, escalation of inefficient sanctions by sender countries, and retaliatory measures. Analysis shows that escalation of economic sanctions against the Russian Federation can not shift country's foreign policy in the direction preferred by sender countries. On the contrary, higher sanction costs for the Russian economy fuel domestic political support for current foreign policy decisions. Consequently, conflict resolution should rely upon multilateral political dialogue rather than economic sanctions.

Keywords: *economic sanctions, political economy, Russia, economic interests, political interests, world politics.*

JEL Classification: F51, P16, P26.

For reference: **Afontsev S.A.** (2022). Political paradoxes of economic sanctions. *Journal of the New Economic Association*, 3 (55), 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10

И.Н. Тимофеев

МГИМО МИД России, Москва

Политика санкций против России: новый этап

Аннотация. С февраля 2022 г. резко усилилось санкционное давление на Россию со стороны западных стран. В отношении России введен широкий набор финансовых, торговых, транспортных, визовых и иных ограничительных мер. Интенсивность и объем их применения не имеет прецедентов, как минимум, со времен окончания холодной войны. Можно говорить о глобальном сдвиге в политике санкций. На протяжении последних 30 лет она эволюционировала от «ковровых бомбардировок» экономики страны-мишени к более точечным («умным») ограничениям против отдельных лиц и организаций. Политика санкций в отношении России после февраля 2022 г. явно отходит от указанных тенденций и ставит ряд вопросов для исследований. Как сочетаются привычные инструменты «умных» санкций с масштабными запретами? Можно ли констатировать новое качество политики санкций зарубежных государств с учетом опыта ограничений против России? И если да, то какие параметры свидетельствуют о таком новом качестве? Основная гипотеза состоит в том, что новое качество порождается скорее масштабом и скоростью применения ограничительных мер, чем их инструментальными характеристиками. «Умные» санкции сохраняются в качестве основного инструмента, однако размах их применения, по сути, возвращает политику санкций к парадигме «ковровой бомбардировки». Единственным весомым препятствием к введению

² The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).